

В.Г. Горохов

Цолак Геворкович (Армен Георгиевич) Арзаканян (родился 01.08.1917 – погиб 31.01.2003)

Горохов Виталий Георгиевич – доктор философских наук, заведующий сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития, профессор. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; НИЯУ МИФИ; философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: vitally.gorokhov@mail.ru

Статья посвящена жизни известного российского философа Цолака Геворковича (Армена Георгиевича) Арзаканяна. Ц.Г. Арзаканян на протяжении многих лет работал руководителем отдела зарубежной философии журнала «Вопросы философии» (1962–2000 гг.). Он был в Германии военнопленным и был освобожден американской армией из концлагеря Дахау в 1945 г. Он прекрасно говорил на немецком языке и был переводчиком Канта. Ниже приводится его собственное письмо в Германию в 2000 г. и письмо его немецкого друга г-на Бартеля, который был также ветераном войны с германской стороны.

Ключевые слова: Арзаканян, Великая Отечественная война, Дахау, журнал «Вопросы философии»

Речь идет о своеобразном «социальном куматоиде», который, по определению М.А. Розова, можно рассматривать как устройство социальной памяти. В нем зафиксированы некоторые инварианты, обеспечивающие «социальную эстафету» в части организации механизмов передачи не только знаний, но и традиций и нравственных установок. Мир куматоидов «достаточно разнообразен и включает в себя явления, которые иногда во всех других отношениях очень не похожи друг на друга». Однако подобное «бедное по содержанию сходство» может иметь эвристическое значение¹. Иначе как объяснить такой интересный феномен, как эстафета поколений. Например, мой многолетний коллега по журналу «Вопросы философии» Армен Георгиевич Арзаканян, который, приехав из армянской глубинки в Москву, почти не говорил по-русски, будучи безусловно талантливым человеком, подхватил переданную ему социальную эстафету российской культуры. Ц.Г. Арзаканян родился в Армении и несомненно принадлежит своей родине, но он был и останется навсегда представителем российской философской мысли.

Все мы звали его по-домашнему «Армен». Он родился в Армении в простой семье. Там дают обычно несколько имен. Армен – его второе, домашнее имя. В концлагере его звали иначе – «Арянец».

¹ *Розов М.А.* Наука как традиция // *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1996. С. 90–105.

Он был очень скромным, даже стеснительным человеком, и многие вещи рассказывал лишь понемногу в течение десяти лет, пока мы работали с ним в одной комнате в журнале «Вопросы философии».

Армен Георгиевич окончил в 1947 г. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. До войны он учился в ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы) сначала на философском, потом на историческом факультете. После войны продолжил обучение, но уже на философском факультете МГУ (т. к. ИФЛИ закрыли). Как мне рассказывал сам Армен Георгиевич, когда он приехал из армянской деревни, то едва говорил по-русски. Из-за этого с ним происходили курьезы. И над ним подшучивали друзья. Потом Армен Георгиевич освоил немецкий, который знал к началу войны уже в совершенстве, итальянский, французский, латинский и древнегреческий. Армен не просто знал эти языки, но и переводил таких известных философов, как Кант, Гегель и Лейбниц.

Как только началась война с Германией, Армен пошел добровольцем на фронт, хотя, как студент, мог получить освобождение от армии.

Он мне рассказывал, что они, молодые солдаты, учились маршировать у полуграмотного унтер-офицера, вместо того, чтобы учиться стрелять. Потом солдаты пешком шли много километров на фронт. Интеллигентные, но плохо тренированные люди просто умирали в дороге, поскольку не могли выдержать темпов марш-броска.

Ему повезло. Армен попал в уже боевую обстрелянную дивизию. Но он был еще наивен. Стрелял из винтовки не очень хорошо, а когда в затвор винтовки попал песок, то привстал над окопом, чтобы его прочистить. Тут пуля угодила ему прямо в руку, повредив палец. С таким ранением можно было бы уйти с передовой в лазарет в тылу, но он остался. Когда немцы наступали под Смоленском, Армен с товарищами обстрелял из винтовки группу немецких автоматчиков на мотоциклах. Немцы ответили минометным огнем. Все его товарищи погибли, так как не одевали каски. Только он один и спасся, поскольку все время ее носил. Осколок мины застрял в каске, повредив череп.

В тот момент Армен потерял сознание. Кровь запеклась у него на лице и не давала открыть глаза. Он не мог понять, умер он или еще жив. И тогда на ум пришли знаменитые слова французского философа Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую» (*Cogito ergo sum*). В это время немцы проходили по полю боя и искали раненных однополчан. Армен услышал рядом немецкую речь: «Er ist tod». К счастью, он автоматически ответил по-немецки: «Ich lebe». Если бы Армен ответил по-русски, его бы пристрелили. Очистив рукой лицо от застывшей крови, он предстал перед немцами. Среди них оказался бывший немецкий коммунист, говоривший по-русски и бывавший когда-то в России. Гитлер, оказывается, давал возможность немцам, ранее бывшим его политическими противниками, после подписки документа о несопротивлении, воевать в частях рейхсвера, хотя и на нижних должностях. Этот русскоговорящий немец-коммунист спас Армену жизнь. Он объяснил, что есть приказ расстреливать всех коммунистов и комсомольцев, и вернул Армену его членский комсомольский билет.

Потом Армен был в разных лагерях для военнопленных, но они были почти курортом по сравнению с концентрационным лагерем Дахау под Мюнхеном. В лагерях было не легко – русские военнопленные ели траву. Один раз съели

даже армейские ремни (благо тогда они были из настоящей кожи). Правда те, у кого желудки были слабые, погибали. Голод, однако, был сильнее разума. В таком положении находились только пленные бойцы Красной армии, поскольку Сталин, считая, что пленные не имеют права на жизнь и должны умереть, но не сдаваться, отказался платить взносы в Международный красный крест. Самыми страшными, по словам Армена, были в руководстве лагерей наши соотечественники, перешедшие на сторону немцев. Их невозможно было обмануть, и они с особым рвением преследовали пленных, чтобы выслужиться. Один из них – предатель из Украины, бывший полковник КГБ, ставший начальником лагеря военнопленных – преследовал Армена, и только случай спас его от верной гибели. Поезд увозил уже Армена Георгиевича в тыл к немцам, когда этот негодяй искал его на платформе. Но от судьбы не уйдешь. И Армен все-таки попал в гестапо. Его попросту предали, поскольку он вел в лагере пропаганду против немецко-фашистских оккупантов.

Шеф гестапо оказался искусствоведем, поэтому посещал камеру Армена почти каждый день и вел с ним разные беседы об искусстве, философии, истории культуры и удивлялся, что русские «неучи», оказывается, что-то знают. (К слову сказать, Армен был не русский, а армянин. Но тогда, на войне, немцы считали всех жителей Советского Союза русскими. Да и сами советские граждане не очень выпячивали свои национальные различия.) Особенно этот «высокообразованный» шеф местного гестапо был поражен, когда на вопрос о том, знают ли в России, кто такой Данте, Армен стал читать «Божественную комедию» на итальянском языке по памяти. Тем не менее это не помешало просвещенному фашисту спокойно сидеть, положив ногу на ногу, и чистить пилкой ногти, пока здоровенный фельдфебель сначала выбивал Армену коренные зубы, а потом пытал его, загоняя раскаленные иголки под ногти больших пальцев рук (следы от этой процедуры остались у него на пальцах на всю жизнь).

Армену опять помогло знание немецкого языка. Он смог сам без переводчика объяснить, что его слова доносчики неправильно поняли. Он якобы хотел сказать, что глупый русский царь (слово «глупый» особенно понравилось «умным» немцам) не хотел учитывать расчеты инженеров и, взяв линейку, провел прямую линию между Петербургом и Москвой, таким образом указав путь строительства первой железной дороги. Большой палец царя, однако, выступал за линейку, и прочертилась небольшая кривая посередине дороги. Инженеры не сочли возможным исправить эту неровность, произошедшую из-за царственного пальца, и потому на железной дороге Москва–Петербург до сих пор существует кривой участок. Этот рассказ помог, и шеф сказал свое последнее слово: «Это – культурный человек, и потому не может быть фанатиком-коммунистом». Тогда Армену заменили смертную казнь на концлагерь, который был, по сути, медленной смертью.

В Дахау Армен пошел в тифозный барак санитаром (все равно умирать!), но у него оказался природный иммунитет против тифа. В этом лагере он также вел антифашистскую пропаганду среди зарубежных военнопленных, которые жили лучше русских. Это был действительно лагерь смерти, где все было устроено так, чтобы узник умер через два-три месяца. Матрасы были из конского волоса, от которого скоро появлялись пролежни на боках, а лежать было так тесно, что поворачиваться было возможно лишь всем в ряду сразу. На

каждом шагу унижали человеческое достоинство. Часто, выстроив в всех заключенных каждого барака в ряд и заставив спустить штаны, проверяли, какое у кого обрезание, чтобы выявить евреев и отделить их от мусульман.

Есть давали очень мало. Однажды Армен с товарищами чистил картошку во дворе. (Всем, кто собирался группой больше трех, следовало говорить громко и четко, чтобы не создалось впечатления заговора, иначе – расстрел на месте.) Мимо шел немецкий солдат. Посмотрев, как заключенные чистят картошку, он заметил вслух: «Теперь ясно, почему вы голодаете. Надо же снимать гораздо меньше кожуры». Ответ заключенных был убийственным: «Из кожуры мы варим суп». Немец ушел посрамленным.

Приближался конец войны. Наступавшие американские войска были уже близко от Дахау, и фашисты решили уничтожить всех заключенных. Их вывели за колючую проволоку и выстроили, чтобы расстрелять из автоматов. Но военнопленные по команде Армена разбежались в разные стороны, чтобы в них было сложнее стрелять. Поэтому погибли не все. Кроме того, подлетевший американский самолет выпустил пулеметную очередь по немцам. Одним словом, Армен со многими другими заключенными спаслись и даже заночевали, прижавшись друг к другу, как когда-то (в IX в. н. э.) уцелевшие римские легионеры в Тевтобургском лесу², после того как римские войска под командой римского наместника Квинтилия Вара были разбиты древними германцами под руководством вождя германского племени херусков Арминия³. Утром выпал первый снег, и бывшие заключенные проснулись под «пуховым» снежным одеялом. Когда они выбрались из леса, навстречу уже шли американские войска. Опасность осталась позади.

Капитан американских войска, выстроив свое подразделение перед спасшимися заключенными, представил офицеров Армену Георгиевичу, которого все считали полковником Араянцем. Обросший и исхудавший, он выглядел много старше своих 27 лет. А в движении сопротивления он занимал одно из ведущих мест, поскольку благодаря знанию нескольких иностранных языков был связующими звеном между русскими военнопленными и военнопленными из других стран – американцами, французами, бельгийцами и т. д. Офицеры отдали ему поочередно честь, а стоявший рядом соотечественник, действительно полковник советской армии, сказал ему шепотом: «Парадоксально! Я – полковник, а ты всего лишь простой солдат, но тебя союзники встречают как офицера высшего ранга». И верно, Армен был всего лишь ефрейтором.

Бывшим заключенным американцы тотчас же выдали боевое оружие и поставили на полное армейское довольствие. Продуктовый паек значил в то время гораздо больше, чем деньги. Из этого пайка Армен смог даже оплачивать лечение раны на голове от осколка немецкой мины. Рана заросла, но трещина в черепе осталась на всю жизнь. Головные боли преследовали его частенько. Квалифицированный немецкий врач, однако, с самого начала предостерег его от операции – трепанации черепа.

² Где это, точно неизвестно, но где-то в районе рек Везер, Липпе и Эмс недалеко от Оснабрюка (нынешний город Детмольд).

³ По этому поводу император Август, когда ему доставили вместо весточки отрубленную голову Квинтилия Вара, воскликнул: «Вар, верни мне мои легионы!», поскольку в этой лесной битве погибли 25 из 28 римских легионов, квартировавшихся на германской территории.

Заключенные лагерей смерти после освобождения так истощали и были так голодны, что некоторые из них, не удержавшись, наелись нормальной пищи, которую не видели несколько лет. Отвыкшие желудки не выдерживали такой непривычной нагрузки, и люди умирали уже после счастливого освобождения. Поэтому сначала многих бывших военнопленных помещали в лазарет и вводили питание искусственно через капельницу.

Еще одетые в полосатую лагерную пижаму, бывшие узники с выданным им оружием отправились на фронт. Пошел в американскую армию и Армен, чтобы добывать фашистов. Позднее ему выдали гимнастерку и брюки американского солдата. Плен и участие в военных действиях в войсках союзников сталинская служба безопасности не смогла ему простить. Он не попал в советский концентрационный лагерь лишь потому, что его участие в движении сопротивления было очевидно и даже задокументировано в воспоминаниях некоторых западных борцов против фашизма из лагеря Дахау, опубликованных сразу после войны.

Об американской армии Армен вспоминал очень редко. Например, его поразило, что все приказы для военных вывешивались в туалете. Это по крайней мере гарантировало, что приказ действительно будет прочитан и особенно прочно отпечатается в памяти. Однажды он сказал, что американцы вели войну «с удобствами». Их танки были обиты изнутри белой кожей и имели вентиляторы. Когда эти танки американцы поставили советским войскам в виде помощи по лендлизу, наши танкисты сдирали белую кожу со словами: «Это вам не лимузин!». Удобства мешали им вести ожесточенную войну с врагом. Поразило его и отношение к солдатам в американской армии. Сначала артиллерия долбила поле боя из всех орудий, а самолеты-бомбардировщики бросали огромное количество бомб. Когда же по команде поднималась из окопов пехота, то, если строчил из уцелевшего дзота хотя бы один пулемет, свистели отступление и вызывали снова огонь артиллерии. И так несколько раз. Оно и понятно: берегли солдат, а не снаряды. Конечно, американцы были богаты и вступили в войну на ее исходе. Но все же! Советские генералы берегли патроны и снаряды, а не солдат. Сначала в бой шли штрафные батальоны. Их бойцы, осужденные по разным причинам (часто несправедливо или по доносам как «враги народа» за высказывания против руководства или за пораженческие настроения), должны были «смыть свою вину кровью». Они иногда даже бросались на вражеские пулеметные гнезда, закрывая своим мертвым телом смотровую щель и открывая таким варварским способом путь основным войскам. Впрочем, им все равно, куда было бежать: вперед на немецкие дзоты или назад на пулеметный огонь так называемых заградбатальонов (хорошо экипированных и сытых внутренних войск всесильной службы безопасности). Человеческая жизнь при таком отношении ценилась недорого.

Немцы особенно боялись наступавших на них солдат в полосатой лагерной «униформе», которые были особенно безжалостны к своим мучителям, хотя часто от этого страдали как раз не те, кто это действительно заслужил.

Наконец, долгая почти пятилетняя война закончилась, и все стремились скорее попасть домой. Хотел этого и Армен, хотя вполне мог остаться на оккупированной американцами территории и даже уехать, как это ему не раз пред-

лагали, в Америку. Армен наотрез отказался, понимая, что его может ждать на родине. Было хорошо известно, как сталинские службы безопасности поступали с бывшими советскими военнопленными. Но он вернулся.

Работать ему не давали, но возможность доучиться в университете после службы в армии у него была. Два года он учился на философском факультете Московского государственного университета. Этот прекрасно эрудированный скромный человек читал в оригинале многих философов, что тогда вообще было в России редкостью. Каждый, кто хорошо знал иностранные языки, вызывал подозрение у спецслужб уже только по одной этой причине. Армен же позволил себе усомниться в правильности общепринятого перевода Маркса на русский язык. Его даже начали публично судить, но как-то обошлось. В пылу полемики о его благонадежности кто-то сказал вслух, что он навряд ли добровольцем ушел на фронт. И тогда его однокурсник на прямой вопрос, действительно ли Армен ушел добровольцем, трусливо ответил, что это еще надо проверить. Армен обиделся на него на всю жизнь, хотя никогда и не показывал этого.

С дипломной работой тоже сложилась непростая история. В последний момент Армену изменили тему. Но он блестяще справился и с этой трудностью. Два аспиранта пытались (видимо, по чьему-то приказу) его завалить, но не договорились заранее, и потому один ругал его за то, за что похвалил другой. В итоге Армен в 1947 г., заработав оценку «удовлетворительно», получил диплом о высшем образовании. И, хотя он был достоин не только звания кандидата, но и доктора наук, ему все же не давали не только защититься, но и работать по специальности. Долгие годы он ночевал на вокзале и разгружал вагоны в согревающей его американской гимнастерке. Потом помогала жена. После смерти Сталина в эпоху наступившей знаменитой хрущевской оттепели был открыт журнал «Вестник мировой культуры», издававшийся на многих языках, т. к. его учредителями были не только Советский Союз, но и другие страны. Лучшей кандидатуры для работы в нем, чем Армен Георгиевич, просто нельзя было предположить, и он был назначен туда в 1958 г. заведующим редакцией. Журнал просуществовал, однако, лишь несколько лет. Наше партийное руководство требовало цензуры всех выходящих в этом журнале текстов, другие же страны-участники не хотели этого терпеть. Журнал был закрыт. Армен опять остался без работы. К счастью, в 1962 г. он попал в журнал «Вопросы философии», где проработал редактором отдела истории философии и философии за рубежом до 1991 г. Многие авторы и сотрудники этого журнала обязаны Армену за его помощь, и все мы учились у него работать с текстами, бережно относиться к источникам и переводам. Мне посчастливилось проработать с ним в одной комнате с конца 1977 г. по 1989 г.

Дорогой наш коллега и друг, Армен-джан, как говорят в Армении, был глубоко уважаемым и действительно приятным людям (это слово имеет мягкий и теплый оттенок; совсем не тот, что несет в себе холодное слово «дорогой» в русском или немецком языках). Он был немного наивен и особенно симпатичен в своей беспомощности противостоять нашему расчетливому миру. Это проявлялось на каждом шагу, когда он, например, хлопотал о получении положенной ему квартиры. Иногда он обижался и замыкался в себе. Было интересно наблюдать, как он играл в шахматы с другим очень симпатичным нашим коллегой,

грузином по национальности, Г.С. Гургенидзе. Оба играли неплохо. Сначала всегда выигрывал Армен. Но Гургенидзе не мог уйти побежденным, и игра долго продолжалась, зачастую до позднего вечера, и шла уже на выносливость до победы. И только тогда оба – один счастливо улыбающийся выигравший, другой грустный и расстроенный проигравший – отправлялись домой.

Многие свои планы Армен Георгиевич не смог осуществить, например, издание энциклопедии истории философии с текстами на языке оригинала и с переводом на русский язык. Многие годы он собирал тексты и записи. Но кто же сможет из нас реализовать такой бесценный, но трудно выполнимый проект?

Армен много гулял и размышлял. Когда ему, наконец, после долголетних усилий удалось получить квартиру недалеко от МГУ в зеленом районе, он проходил многие километры, размышляя. Несмотря на тяжелую жизнь, он сохранил до последних лет ясность мышления и доброту. Во время одной из таких прогулок на улице, почти у самого дома, его сбила насмерть машина. Это случилось 31 января 2003 года.

Ц.Г. Арзаканян не был доктором и даже кандидатом философских наук, но был настоящим Философом – с большой буквы. Он не только в совершенстве владел многими языками, но и отлично переводил сложнейшие философские тексты, много размышлял и писал, но мало публиковал. Армен Георгиевич не имел доступа к преподавательской кафедре, но многие авторы журнала «Вопросы философии», где он проработал долгие годы редактором отдела истории философии, учились у него подлинному философствованию, часто не укладывавшемуся в рамки официальной школьной философской науки советского времени. Мне посчастливилось проработать с ним в одной комнате почти десять лет, и долгие беседы с ним, да и его беседы с самыми различными, в том числе очень маститыми авторами, запомнятся мне навсегда. Мы выпустили вместе в издательстве «Прогресс» в 1989 г. сборник «Философия техники в ФРГ», и это стало для меня настоящей школой научного перевода и редактирования философских текстов. Несмотря на проведенные в немецком плену годы, он никогда не был враждебно настроен к немецким коллегам и просто приезжим, искренне любил германскую культуру и философию. Мой знакомый из Германии, человек его возраста и участник войны, г-н Бартль, приехав в Москву, подружился с Арменом и вспоминает о нем всегда с неизменной теплотой и уважением⁴. И это уважение было взаимным, хотя они и вынуждены были воевать, находясь по разные стороны фронта.

Г-н Бартль, как немец и участник войны, попытался ходатайствовать о пенсии Армену, но ничего из этого не получилось. Требовали его личного присутствия, а Армен Георгиевич сам не хотел хлопотать о том, что он без сомнения больше чем другие, если так можно вообще сказать, заслужил. Скромность и человеческая гордость не позволяли ему бегать по инстанциям. У меня сохранилось его письмо с описанием истории пленения на немецком языке, которое я привожу ниже в моем переводе.

⁴ Его краткое письмо, как реакция на смерть Арзаканяна, которого он называет по-дружески просто Армен, приводится ниже.

* * *

Уважаемые господа!

Осенью (в начале сентября) во время битвы под Смоленском я был тяжело ранен (повреждение черепа) и захвачен в плен наступающими немецкими войсками. Сначала я находился в лагере для военнопленных № 152 (недалеко от Минска). Там в конце весны 1944 года я был обвинен служащими лагеря (если мне не изменяет память, III-го отделения) в борьбе против германского вермахта как «большевистский активист» (в принятой тогда терминологии), хотя я ни до, ни после войны не был членом партии. После этого я был выслан в Польшу в лагерь для военнопленных в Седлеце, а позднее – после наступления Красной армии – в Германию, а именно в Фрейзинг в Верхней Баварии. Здесь было много заключенных, а также интернированных французов (в том числе представителей французского сопротивления), итальянцев, поляков, югославов, англичан и т. п. Здесь снова лагерное начальство предъявило мне те же обвинения, после чего я был арестован эсэсовцами, и 27 января 1945 г. меня заключили в концентрационный лагерь Дахау, где я оставался до конца апреля, точнее до 30 апреля, до дня «deliberation»⁵, как записано в выданном мне сертификате.

В сертификате, который я передаю в оригинале и с приложением одной копии, однако, имеется неточность, которую я хотел бы исправить. Речь идет о том, что в сертификате, который мне выдала американская военная комендатура после освобождения, мое имя и фамилия написаны иначе⁶, что должно быть имело место и в картотеке лагеря. Это связано с тем, что тогда многие военнопленные, и в особенности антифашисты, переходя из лагеря в лагерь, меняли свои имена в целях безопасности. Это можно было легко осуществить, поскольку картотеки вели сами заключенные (в концлагере, однако, нет). В Фрейзинге перед арестом эсэсовцами мое имя было записано как «Араянц Армен». Мои же настоящее имя и фамилия Арзаканян Цолак. «Араянц» это краткое написание моей настоящей фамилии, а Армен просто второе армянское имя.

Пользуясь случаем, я обращаю внимание на разницу имен, чтобы не возникло недоразумения.

В концлагере Дахау я был сначала во II блоке, а позже – в V-м.

Помимо сертификата я прилагаю мой лагерный номер, который мы, как заключенные, носили на груди и брюках (с правой стороны). На всякий случай я прилагаю к этому письму «дополнительно» мои отпечатки пальцев (большого пальца) с левой и с правой руки, поскольку это «свидетельство», насколько мне известно, является неоспоримым.

С наилучшими пожеланиями,

Цолак Арзаканян.

(Письмо не датировано, но оно было написано примерно в 2000 г.).

⁵ Здесь, видимо, ошибка. В сертификате, выданном 22.06.1945 капитаном Робертом Дилом написано «deliverance» – «освобождение» армией США.

⁶ Mr. Araäng Armen, born 1917 in Erewan.

Фридрих Бартль

Трагическая смерть моего друга Армена вынуждает меня написать несколько слов о нашей встрече с ним в Москве, где мы с моей женой Элизабет гостили осенью 1995 г. в семье Гороховых. Но сначала несколько слов о себе.

Я родился 03.05.1920 г. в небольшом городке Вайперт, расположенном в Рудных горах на стороне Богемии. После окончания средней школы я получил коммерческое образование. В это время чехословацкие Судеты, где мы жили, были присоединены к Германскому рейху. Как и все молодые люди моего возраста, я должен был стать солдатом, и в этом качестве был зачислен в моторизованный батальон водителем мотоцикла.

22 июня 1941 г. мы оба, Армен и я, по приказу наших главных военных начальников, Сталина и Гитлера, были объявлены «врагами». Мы тогда, правда, ничего не знали даже о существовании друг о друга.

Я воевал в составе войсковой группировки «Гудериан», наступавшей на Смоленск и Москву, и был ранен под Смоленском, а затем попал в военный госпиталь, базирующийся во Франции⁷. В начале 1943 г. в составе танкового соединения я оказался на Украине. После отступления, южнее Киева, у Белой Церкви, я снова попал в лагерь, а в конце войны оказался на несколько месяцев в плену у американцев. После освобождения из лагеря я работал столяром, затем бухгалтером и, наконец, налоговым консультантом.

Во время нашей поездки в Москву в 1995 г., наряду с посещением Музея Пушкина и Сергиева Посада, наибольшее впечатление на меня произвели встречи с Арменом. Мы долго беседовали о Боге и о мире, и Армен, обладающий огромным запасом знаний, щедро делился с нами и, прежде всего, помог нам ближе узнать Россию.

Несмотря на плен и мучения в концентрационном лагере Дахау, у него не было ни малейшей ненависти к немцам, на которую он имел полное право. И я и он верили в продолжение дружбы, если бы не огромное расстояние между нами.

Я неоднократно приглашал его в Германию и хотел показать свою родину, как он показал мне Россию. Однако он не мог из-за ранения в голову летать на самолете, да и поездка на поезде была ему тяжела.

Я хотел бы на этом небольшом, но живом примере показать, какой абсурд и сумасшествие представляет собой любая война, даже если она объявляется «священной».

г. Карлсруэ, 5.02.2003 г.

⁷

По свидетельству покойного Арзаканяна и по случайному совпадению, он с его товарищами по оружию обстрелял под Смоленском группу немецких автоматчиков. По ним был открыт огонь из миномета, и только он один был ранен, поскольку всегда носил каску, а остальные погибли от разорвавшейся неподалеку мины. Конечно, с немецкой стороны г-н Бартль, может быть, и не был там, но вполне мог оказаться.

Ниже приводятся копии оригинальных документов об освобождении из концлагеря Дахау, выданные американцами (Рис. 1), лагерный номер (Рис. 2) и отпечатки пальцев Армена Георгиевича, которые брали в Гестапо (Рис. 3), оригинал письма г-на Бартеля и письмо Арзаканяна на немецком языке (Рис. 4-5).

Camp Office of Dachau Date 22.6.1945.....

C e r t i f i c a t e

It is hereby certified that Mr. A r a ä n g
Armen , born 1917
in Esewan , was detained in Dachau
Concentration Camp from 27.1.1945 to the day
of deliverance by the United States Army and was
registered in the Camp Books under the number ..
..... 138713 He came from

Robert E. Deal Camp Office
ROBERT E. DEAL
 Captain, P. A.
 C. G. C. 2. Team 101 / Domagala Jan /
 Camp Secretary of Dachau

Рис. 1

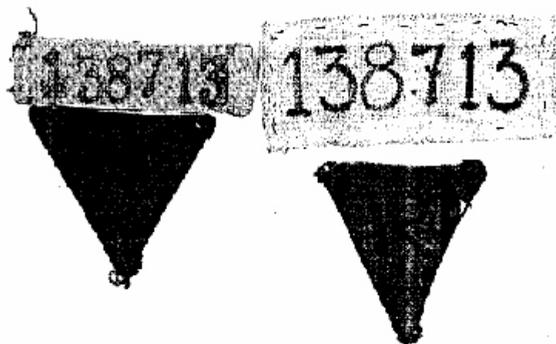

Рис. 2

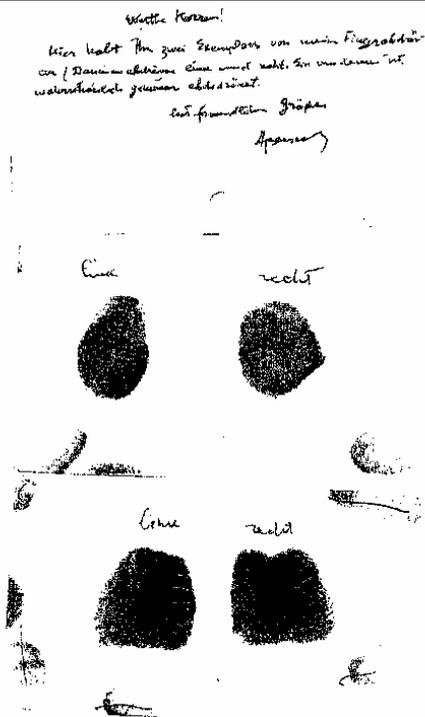

Рис. 3

Geehrte Herren!

Im Herbst (Anfang September) in der Schlacht bei Smolensk wurde ich schwer verwundet (schwere Schädelverletzung) und von angreifenden deutschen Truppen gefangen genommen. Zuerst war ich im Stalag 152 (bei Minsk). Hier wurde ich am Ende Frühling 1944 von Lagerbehörden (III. Abteilung, wenn mein Gedächtnis mich nicht trügt) in Verdacht geraten als ein gegen deutsche Wehrmacht wirkender "bolschewistischer Aktivist" (im damaligen Wortgebrauch), obwohl ich wie vor als auch nach dem Kriege nie ein "Parteiangehöriger" war, und zuerst nach Polen (Kof Lager in Sedletz) und etwas später, nach der Offensive der Roten Armee nach Deutschland, nämlich nach Freising in Oberbayern verschleppt. Hier waren viele Gefangene und auch Internierte Franzosen (auch die Maquisards), Italiener, Polen, Jugoslawen, Engländer usw. Hier wurde ich wieder bei den Lagerbehörden in Verdacht geraten aus dem genannten Grunde, von den SS-Leuten verhaftet und am 27. Januar 1945 in Konzentrationslager bei Dachau eingeschlossen. Im KZ Dachau verblieb ich bis Ende April, genauer bis 30. April, also bis zu "the day of deliberation", wie es im "Certificate" steht.

Im Certificate aber, welches ich im Original und einer Kopie vorstelle, liegt ein Missverständnis vor, welches ich vorbeugen wollen hätte. Es handelt darum, dass im Certificate, welches mir die amerikanische Militärbehörde nach der Befreiung ausstellte, meine Name im Vorname sind anders bezeichnet, und so sollte auch in der KZ Kartei gestanden sein. Und das war von einfachen Grund, dass damals unter vielen Kriegsgefangenen und insbesondere unter Antifaschisten üblich war wegen Sicherheit die eigenen Namen und Vornamen von Lager zu Lager zu ändern. Das war leicht möglich, da die Karteitheke (damals einfach "Kartei" genannt) waren von Gefangenen selbst verfügbar (in den KZ aber nicht). In Freising, vor der Haft von SS-Leuten, war ich, und

so stand es auch in der Kartei, als "Arasjan Armen". Mein echter Name und Vorname sind: Arszakjan Zolak. "Arasjan" ist eine Verkürzung meines echten Namens, und Armen ist einfach anderer armenischer Vorname.

Über diese Gelegenheit verschaffe ich Klarheit damit diese Namensverschiedenheit hätte Ihnen nicht in Verlegenheit bringen können.

Im KZ Dachau was ich zuerst im II. Block, und etwas später im 5., im Revier.

Ausser Certificate, lege ich bei auch meine Lagernummern, welche wir, die Häftlinge, an der Brust und den Hosen (auf rechter Seite) trugen. Auf jeden Fall, lasse ich auf diesem Schreiben "zusätzlich" meine Fingerabdrücke (Daumenabdrücke) links und rechts, deren "Zeugnis", soweit mir bekannt, unbestreitbar ist.

Mi herzlichsten Grüßen

(Zolak Arszakjan)

ARSAKJAN ZOLAK Geworkowitsch

Mitschurinskij Prospekt dom 31, korp. I, kw. 161
117607 Moskau (Moskwa)
RUSSLAND
Tel. Priv. 9325709

Рис. 4-5

Список литературы

Розов М.А. Наука как традиция // Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. С. 90–105.

Ts.G. Arsakanian (1917–2003)

Vitaliy Gorokhov

DSc in Philosophy, Head of the Department of Interdisciplinary Problems in the Advancement of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; professor of National Research Nuclear University MEPhI, professor of the Department of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University; e-mail: vitaliy.gorokhov@mail.ru

This article is about the life of the Russian philosopher Armen (Tsolak) Arsakanian (born in Erevan, Armenia). He was leading the department of western philosophy in the editorial office of the Russian principle philosophy journal “Voprosy Filosofii” in Moscow from 1962 until 2002. He was a prisoner of war in Germany during Second World War and was liberated by the USA Army from concentration camp Dachau in 1945. He spoke fluent German and was an interpreter of I. Kant. Enclosed with the article are his own letter from 2000 to Germany and another letter from his German friend Mr. Bartel, who was also war veteran.

Keywords: Arsakanian, World War II, Dachau, journal “Voprosy Filosofii”

References

Rozov, M.A. “Nauka kak tradicija” [Science as a Tradition], in: V.S. Stepin, V.G. Gorokhov and M.A. Rozov, *Filosofija nauki i tehniki* [Philosophy of Science and Technology]. Moscow: Gardarika Publ., 1996, pp. 90–105. (In Russ.)